

У ВЕРЕН, если бы эти истории рассказывал литератор — профессионал, он бы многое снял, подшлифовал, выправил¹. Во всяком случае отец актрисы не рассыпал бы столь откровенно свою удалую, звучную, неумную речь да и отдельные свои поступки, явно скользкие к отрицательному, постарался бы подзабыть или сделать вид, что их и не было на свете.

Мне ни к чему преувеличивать. Но в этой способности услышать слово и записать его в той интонации и форме, как оно прозвучало, Людмила Гурченко где-то не уступает даже Виктору Астафьеву, автору «Царь-рыбы». Студенты-филологи с таким чувством языковых переливов отправляются в диалектологические экспедиции — записывать разговоры.

чтобы уйти в прошлое. Слова движутся вспять, как вода в землю. Прошедшее зарисовывается, а не воссоздается, Гурченко вспоминает о человеке, без которого не было бы в ее жизни ни песен, ни игры, ни таланта. Вспоминает, чтобы обрести уверенность в жизни, в творчестве на сегодня и на завтра. Сколько печатается произведений, где все прочно сцеплено, скреплено. Но, прочитав книгу, остаешься безучастным. А здесь налетающее настроение дает смысл и музыку рассказу, передается читателю.

В этой книге живет шутка, юмор и, как сказал бы Александр Фадеев, веселая искорка перескакивает из одного глаза в другой на одной ножке. В шестидесятые годы Людмила Гурченко работала в те-

перь застроится улицы, затеплится уют, и оно, это поколение, вступит из взрослого детства во взрослую жизнь. Оно вынесло из этих тягот то неистребимое сознание, которое Гурченко назовет высшим чувством — любовью к Родине. К ней это чувство передалось от отца — незаметно, просто и ясно. Оно всегда в душе, в глубине души. В быту, повседневно о нем почти не говорят. Но когда подступят испытания, оно становится главным, ведущим в характере, помогая «взойти в себя» даже растерявшемуся человеку.

Стремительно «влетев» в «Карнавальную ночь», Людмила Гурченко потом будет жить полуудачами, запасом надежд, веры. Актриса выпшет и осмыслит этот путь к

Речь не о том, что такого не бывает. Просто у рассказа обедненный, суженный взор. Никаких выходов. Жесткая закольцованность. А это уже недостаток не только в мироощущении героя, но и в общем сюжете. Повесть по жанру — семейная драма — и, хочешь не хочешь, призвана дополнять литературу как учебник жизни. Воспитательный элемент, выраженный, разумеется, в образах, здесь просто необходим. А в этом произведении его трудно найти, определить. Он затухает. Кстати, от классического Гамлета у героя А. Курчаткина собственно почти ничего нет. Как известно, Гамлет — личность, воин, ученый, поэт, человек мысли и тончайшей душевной чувствительности. Наш же Гамлет, хотя и претендует на расщепленность, но, по существу, ординарен, без взлетов и прозрений. Лишь неутраченный упрек отцу, матери, жизни тянется за ним, слово за слово прокручивается.

Чувствуешь, автору не хватает жизненного опыта, знания. В стиле мечутся отрывки разных манер, порою совсем невесомые, без какого-либо содержания. Вот как представлена двойственность нашего героя. Первый слой — внешний:

«Теперь, спустя пятнадцать лет с той поры, я не веду никаких дневников, но я словно бы расщеплен, словно бы два человека во мне: один ходит, ест, работает, отдыхает у моря, пьет квас, задираясь с соседом по очереди, он на виду, напоказ, и все, кто знает меня, знают его...»

А теперь попытайтесь разобратся в «глубинах» внутреннего мира героя, расплести сущее и желаемое этого словесного набора:

«...другого знаю только я сам, он — во мне, беспрерывно звучащий, ни на мгновение не умолкающий голос, фиксирующий меня внешнего, расщепляющий его и препарирующий, отражающий в себе и раскладывающий на составные части — «я» нематериальный, бесплотный, и он, этот внутренний «я», повторяющий меня внешнего, — главное в то же время, сущее во мне, «я» внешний — лишь оболочка его, уродливая, грубая форма, они как бы два человека разных культур, запертые в одной комнате, речь одного — примитивные словесные конструкции, в которых сказуемое, боясь развалить смысл, с неукоснительной тщательностью следует за подлежащим, а речь другого — длинные многоступенчатые периоды со множеством сложносочиненных и подчиненных предложений...»

Мне кажется, так можно писать, когда не о чем писать, нечего сказать ни себе, ни читателю.

Нередко индивидуальность в творчестве понимают как что-то похожее на личную собственность. Движимое, недвижимое, собранное одним человеком. Сюжет, направленный только на себя. Взгляд на личность только с точки зрения «верности себе». А человеку всегда был необходим ощущаемый, большой, связанный мир. Неповторимое лишь часть общего, точнее, общезначимого опыта жизни, его производная. Именно в этом смысле природа и жизнь выше искусства. Природа и жизнь не дают искусству остановиться, застыть на повторениях или так увлечься возможным блеском формы, что забыть о красоте и правде содержания.

И. ЖУКОВ.

О ВЗРОСЛОМ ДЕТСТВЕ

в жизни и литературном сюжете

Через них, эти слова, похожие на густую листву, дикие кустарники, теплые дуги и солнечные поляны, обращается к нам отец актрисы — человек, которому судьбой назначено вызывать радость, внушать уверенность. Невероятное и будничное смешалось в его характере. Если судить по-бытовому, то Марк Гаврилович, отец актрисы, не очень-то удачливый, «грешный» человек. Многие не получились у него, и многое не сбылось. Вот и баян в его руках не стал совершенством искусства.

Другой бы на его месте окрасил в темный цвет обстоятельства. Мол, они виноваты, подвели жизнь. Но не из того поколения наш герой: он словно поднял порывом времени, и сам, как порыв. Наверное, с таких людей и писал А. Твардовский своего неунывающего Василия Теркина, готового в любой час взбодрит усталые сердца шуткой, песней, лихим перебором на гармошке.

Особенность в том, что вспоминает — актриса театра и кино. Здесь одного только рассказа о пережитом недостаточно. Поставить, озвучить, сыграть, если хотите. Вот к чему она стремится. Не главы и эпизоды, а действия, акты, сцены. Автор — исполнитель и режиссер. Легкие, веселые жанры танцев и песен сменяет озабоченная, раздумчивая драма, а вот уже рассказ стиснут трагическим, горьким: война, оккупированный Харьков, бомбежки, зарево пожаров, голод и холод.

Но, позволяйте, могут сказать, уместен ли здесь так называемый литературный разбор, анализ? Не забыл ли я, что все это писалось не для того, чтобы быть художественным произведением. Не забыл, конечно. Я просто чувствую: этот рассказ о взрослом — через войну — детстве, об отце, о театре, кино, творчестве есть что-то большее, чем воспоминание. Это повесть о жизни или из жизни. Как сказано у Пушкина, «собранные пестрых глав, полусмешных, полупечальных, простонародных, идеальных...» Здесь доверяют чувствам и настроению даже больше, чем логике.

Иногда люди вспоминают,

атре «Современник». Вот только одна картинка из театрального быта тех лет:

«Современник», лучший театр в Москве. Артистов немного. Все «личности». Атмосфера самая интеллигентная и интеллектуальная. В каждом углу читаются редкие стихи. Речь перемежается такими новыми, модными тогда словами: «экзистенциализм», «коммуникабельность»... Я репетирую Ростана «Сирано де Бержерак», борюсь со своим «харьковским диалектом», успешно, вот уже полгода, выражаю в себе «голубую» кровь, и на тебе! Какой-то неформальный. «Мы с вами», — говорит, — когда-то воровали». Такое ляпнуть!

Ну всегда, всегда со мной не так, как с людьми».

Мастерство в литературе — не заученный, освоенный прием, а талант писать так, как видишь, думаешь, чувствуешь и живешь. Мастерство в том, чтобы представить и листок на дереве, и само дерево, и человека, и время. Сквозь лишения сверкнет веселье, предстанет, как лист перед травой, желаемое, несбыточное. Становится тепло и хорошо оттого, что жизнь идет. После войны она будет трудной, но и шумной, яркой, радостной. Дочери уготовлено быть артисткой. Отец не просто верит в это, а вместе с дочерью создает призвание, выставляет его на свет, на зрителя. Уверенность плещет через край. И вот уже дочь едет в Институт кинематографии, в астрономическое число желаний.

У радости многообразные оттенки. Может она быть и доброй бесполой, сказочной. Скажите, разве не безрассудно провозгласить дочь в Институт кинематографии, в Москву, где ни связей, ни знакомств, и при этом быть абсолютно уверенным, что дочь поступит и еще прогорит. Поучительная педагогическая история — факт семейного согласия и усилий, совместного творчества отца, матери, дочери.

Важно еще и то, что рассказываемая история распространяема, повторима, типична. Наверное, многие из этого поколения скажут: «Верно, так и было». Детство — тяжелее некуда.

Но не потерянное, а ОСЕРДЕЧЕННОЕ в тяготах. С зарядом оптимизма, радости. Чуть-

зрелости: волнения, страсти, ошибки, иллюзии, трудности. Мы видим, как устойчиво призвание, насколько жизненно важно упорное стремление к творческому многообразию, к настоящей жизни в искусстве.

«Я всегда долго созревал, — напишет Л. Гурченко. — А потом — раз! И полная ясность. Точнее решение проблемы». Новое признание пришло после фильма «Старые стены», а «Пять вечеров» с Л. Гурченко стали добрым, заметным событием. Обиды, ошибки забываются, а хорошее запоминается навсегда...

Так случилось, что почти одновременно с этой повестью я прочитал повесть Анатолия Курчаткина «Гамлет из поселка Уш»¹. Вымышленные герои этой повести — отец, мать, сын — полная противоположность документальным у Л. Гурченко. Разлад, непонимание, душевная глухота — каждый живет сам по себе. Отец, увлеченный карьерой, мать, забывшая о чувствах сына, сын — Виталий, непрерывно накапливающий обиды на родителей. В семье — послевоенный достаток. Родители — работники по ведомству внешней торговли. Они уезжают в длительные командировки за границу, оставляя сына в интернате или дома. Растет, углубляется отчуждение. Обиду сына можно понять, объяснить. Но, думаю, автор слишком увлекся последовательностью этого чувства в характере героя.

Закончив институт, Виталий работает электриком. Опять же в отместку родителям: смотрите, мол, что вы наделали, во что вы меня превратили. Автор — начитанный человек, сведущ в текущих веяниях. Отголоски фрейдизма мутятся во взоре и поступках героя повести — подруга матери становится его любовницей. Короче, вся жизнь, говоря строками из повести, как «металлический звяк», «скребуший шорох». И когда постаревший, уже больной отец приезжает к сыну, весь их разговор строится не на воспоминаниях, а на припоминании взаимных ошибок, промахов. И то не так, а другое еще хуже.

¹ «Октябрь», 1980, № 8.

¹ Л. Гурченко. Мое взрослое детство. «Наш современник», 1980 г., № 3, 4.